

Нина Дюлгерова
(София)

**РУССКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
О БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Восточное направление является одним из основных внешнеполитических направлений Российской империи в XIX в. Если до 80-х годов XIX в. это направление успешно развивалось наравне с кавказким и среднеазиатским, то под конец XIX в., на некоторое время, оно должно было уступить свою первенствующую роль дальневосточному направлению внешней политики России. С 1895 г., можно сказать, ведет свое начало стремление Петербурга к экспансионистическому захвату дальневосточных территорий. Но события, которые развернулись на Балканах, начиная с 1894 г., и которые привели к новому восточному кризису, вынудили русское правительство, несмотря на свое нежелание, принять участие в дипломатических дискуссиях и действиях великих держав в этом европейском регионе.

Вопросу об участии и позиции Российской империи в балканских событиях, более или менее, уделено место в научных трудах советских, венгерских, болгарских, австрийских и немецких историков. Бытует мнение, что восточная политика России направлена на то, чтобы сохранить территориальное статус-кво на Балканском полуострове. Историки едины и в том, что это является и одной из главных причин для заключения в апреле 1897 г. русско-австро-венгерского договора. Каждый историк оценивал эту политику России как возможность для концентрации всех материальных, финансовых и человеческих ресурсов на основную цель – Дальний Восток.

До сих пор политика России во восточном вопросе в конце XIX–начале XX вв. всегда рассматривалась на основе документов, опубликованных главным образом в нескольких сборниках или на основе минимального количества русских документов, информирующих

только о событиях или процессах, наблюдаемых в той державе, где находился дипломат. До сих пор почти ничего неизвестно о содержании инструкций русского правительства своим послам и дипломатическим агентам в балканских странах и Османской империи. Также не все ясно относительно планов тех лиц, которые принимают решающее участие в реализации балканского курса Петербурга. Исходя из этого, я попытаюсь рассмотреть теории тех политических деятелей, которые более или менее активно участвовали в событиях, имевших место в развитии восточного вопроса в периоде с начала ближневосточного кризиса с 1894 года по 1903 год, когда вспыхнуло восстание в Македонии и было подписано Мюрцштегское соглашение между Россией и Австро-Венгрией. При рассмотрении эволюции тех концепции, которые в большинстве случаев остались в области теории, я остановлюсь более подробно на тех из них, которые ещё неизвестны историкам. Не буду останавливаться на доктринах А. Б. Лобанова-Ростовского и М. Н. Муравьева, которые были министрами иностранных дел в 1895–1896 и 1897–1900 гг. Известно и их основное кредо на счет Балкан – консервация Восточного вопроса. Также не буду останавливаться на известном в историографии Нелидовском плане о захвате проливов, который чуть ли не был осуществлен в конце 1896 года¹.

Здесь будут представлены несколько теоретических размышлений русских дипломатов П. Капниста, И. Зиновиева, А. Нелидова и инструкции министра иностранных дел России с 1900 г. графа В. Н. Ламздорфа. То, что объединяет их, связано с их общим взглядом на суть Восточного вопроса. Как истинные представители великой державы, преследующей свои великоимперские интересы, они считают своей основной задачей работать над разрешением вопроса о проливах и Балканах. Каждый из них, в разное время этого периода, писал в своих депешах или инструкциях свое мнение о создавшейся ситуации. Конкретным примером этому является пространная записка русского посла в Вене графа П. А. Капниста накануне заключения русско-австрийского соглашения 1897 г.² Этот документ составлен 11 марта и касается отношений между Россией и Австро-Венгрией по восточному

¹ В. А. Беоргниев, Н. С. Киняпина, М. Т. Панченкова, В. И. Шеремет, *Восточный вопрос во внешней политике России (второй половины XVIII-начала XX вв.)*, М.- Москва 1978; В. М. Хвостов, *Ближневосточный кризис 1895–1897 гг.*, „Историк-марксист” 1929, т. 13; *Проблемы захвата Босфора в 90-х годах XIX в.*, „Историк-марксист”, 1930, т. 20; *Предисловие к статье „Проект захвата Босфора в 1896 г.”*, „Красный архив” 1931, т. 4–5, [47–48].

² Архив внешней политики России (АВПР), Ф. Секретный архив Министра, оп. 467, д. 156/161, Виена, 11/23 март 1897, л. 16–44.

вопросу. Капнист четко определяет русские интересы в Восточном вопросе. Для него они заключаются в „1) закрытие проливов для утверждений владычества России в Черном море; 2) открытие этих проливов для русских военных судов ввиду обеспечения наших сообщений со Средиземным морем”³. Исходя из этих позиций, русский дипломат дает теоретическое развитие каждого из этих пунктов при конкретном действии со стороны России для разрешения восточного вопроса в одном или другом направлении. Не останавливаясь на конкретные связи между Россией и „православием и славянством на Востоке” в религиозных национальных интересах, тем не менее, Капнист не отделяет русских интересов в проливах от тех же интересов на Балканском полуострове. Он считает, что они могут быть осуществлены двумя путями: „сразу, насильственным путем и постепенно, путем естественного развития”⁴. Он подробно развивает каждый из этих способов для разрешения Восточного вопроса. Исследуя вопрос о захвате со стороны России Босфора, он останавливается на предполагаемую реакцию великих держав и балканских стран.

Русский дипломат предполагает такой же захват со стороны Австрии и Италии, а также одновременное движение балканских государств на Македонию. Трезво оценивая тот факт, что Австро-Венгрия была бы вынуждена силой обстоятельств приступить к такой завоевательной политике, Капнист также не сомневается и в попытке Италии захватить Албанию. Из балканских государств он видит единственно в Болгарии реальную военную силу, которая имела значительный перевес над Сербией, Черногорией и Грецией. Русский посол считает, что это конфигурация балканских сил в будущем может иметь небезразличные последствия для интересов России. Только в Румынии дипломат видит некоторое противодействие в будущем территориальному увеличению Болгарии. Она стремилась бы занять Варну и таким образом упрочить свое положение в качестве морской державы на Черном море. Из этой ситуации Капнист делает печальные для России выводы. Очень сильна опасность для России втянуться в войну, „дальнейшее развитие которой, при нынешнем положении Европы ускользнуло бы от всякого предвидения”⁵. Захват и закрытие проливов со стороны России довело бы до больших затрат средств для укрепления русско-австрийской границы одновременно с мерами для удержания положения на проливах. Нарушение балканских границ, с другой стороны, поставило бы под угрозу мир и спокойствие России и Европы⁶.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, л. 20/об.

⁵ Там же, л. 22/об.

⁶ Там же, л. 23/об.

Перечисляя все позитивные и негативные стороны этой теоретической концепции, русский посол останавливается и на вторую часть своей теории о восточном вопросе. Он исследует возможность о разрешении балканских проблем путем естественного развития. Исходя из геополитического расположения обеих областей, являющихся яблоками раздора – Македонии и узкой полосы земли вдоль проливов, Капнист размышляет о судьбе этих территорий и политике держав, как великих, так и балканских, по отношению к этим территориям. В документе упоминается карта Балканского полуострова, которую, к сожалению, при ознакомлении с ним я не нашла. Исходя из содержания документа, она была бы интересна тем, что на ней отмечен „прямыми линиями предполагаемый раздел спорных территории”⁷. Развивая эту теорию, русский посол высказывает предположение, что первый этап разрешения восточного вопроса был бы связан с окончательным разделом Македонии между прилегающими балканскими державами, не забывая и о Румынии. Компенсация, которую получила бы Румыния, связана только с Болгарией. Она получила бы северовосточную территорию Княжества, до Варны включительно. Рассматривая эту альтернативу, Капнист опасаясь усиления Румынии на Черном море, с одной стороны, и чрезмерного увеличения территории Болгарии ближе к проливам и достижение двух морских границ, Белого и Черного морей, с другой, предлагает выход из этого опасного положения. „Вознаградить Болгарию приобретением Салоник, уменьшив таким образом долю Греции”. Разрешение македонского вопроса таким образом является для него естественным продолжением того постепенного обособления разных частей Турции, которое сопровождало каждую русско-турецкую войну в XIX в.

Разрешая в теоретическом плане македонский вопрос посредством раздела этой территории между балканскими странами, Капнист находит этот вариант оптимальным для России. Он считает, что таким образом, отстранена опасность со стороны Австро-Венгрии и Италии завладеть какими-либо балканскими территориями, а Османская империя была бы ослаблена и стала бы „привратником России”. Это означало бы, что вопрос о проливах приобрел наместо европейского, чисто русский или русско-английский характер. Русский посол развивает идею, что этот план реален и его можно осуществить путем заключения соглашения с Австро-Венгрией. Размышляя о предполагаемых реакциях великих держав по этому поводу, он считает, что каждая из них, желая этого или нет, согласилась бы с этим. Суть этого соглашения должна была заключаться в „устранении безконтрольного произвола в дележе со

⁷ Там же, л. 23/об.

стороны балканских государств". Чтобы обеспечить исполнение плана о разделе Македонии между балканскими державами, Капнист предлагает десант со стороны Австрии и России. Австрия должна была занять Новобазарский санджак двумя или тремя корпусами, а Россия – сделать высадку войск в Варну и концентрировать их в треугольнике между Варной, Русчуком и румынской границей. Таким образом вступление войск балканских держав в Македонии было бы гарантировано. Капнист считает, что ни одна из великих держав не получит „территориального приращения” при дележе Македонии. Это новое распределение согласно плану Капниста, было бы гарантировано посредством формального акта между двумя империями, Турцией и балканскими государствами. Русский дипломат предполагает, что если предварительный расчет правилен, он мог бы быть успешно реализован под покровительством России и Австрии и при сочувствии Германии и Франции.

Разрешая успешно первый этап восточного вопроса, дипломат уверен, что во второй, но „вежнейшей для России части вопроса” она осталась бы только с одним лишь противником – Англией. Здесь он находит выход в мирном разрешении вопроса о проливах путем удовлетворения стремлений двух государств. Россия получила бы проливы, Англия – Египет. „Россия обеспечивает в мирное время плавание через проливы торговым судам; Англия должна обеспечить свободный проход через Суецкий канал”⁸. Русский посол писал, что это возможно, так как после раздела Македонии между балканскими государствами, Англия не могла бы найти союзников в лице Австрии и Италии. Германия также не поддержала бы ее, исходя из все более растущих интересов Европы в обезпечении Суецкого канала.

В заключении этого документа Капнист предупреждает, что напряженная ситуация на Балканах, сложившаяся вследствие Критского вопроса, создает реальную возможность первого раздела европейской Турции. Предупреждает и о том, что если не будет заключено русско-австрийское соглашение, результаты кризиса могут обернуться против их же интересов. Предлагая эволюционный путь разрешения восточного вопроса, русский дипломат считает, что он более надежен и осуществит⁹.

Этот крайне смелый и авантюристический план Капниста для разрешения восточного вопроса не получил поддержку в Петербурге. Считая, что это крайне рискованно, было решено в переговорах с Австрией, вопросы о разделе европейской Турции между балканскими

⁸ Там же, л. 38/об.

⁹ Там же, л. 41/об.

странами и о владении России проливами, не касаться¹⁰. И действительно, основные пункты, по которым было достигнуто соглашение в целом, это были вопросы о сохранении балканского статус-кво и об элиминации проблемы о судьбе Константинополя и проливов. Исходя из того факта, что Капнист являлся послом России в Австро-Венгрии, которая была столь же заинтересована в судьбе балканского региона, можно сделать следующее предположение. Та психологическая ситуация, сложившаяся в Вене, с одной стороны, и все еще нестабильное положение в русском министерстве иностранных дел, с другой, приводят к тому, что русский дипломат под формой записки дает оптимальный план для реализации русских стремлений в восточном вопросе.

В следующие годы никто из русских дипломатов, работающих в балканском регионе или в Австро-Венгрии, в своих депешах не касался вопроса о судьбе проливов или раздела Македонии. Подтверждением этому является неоднократно высказанное русским послом в Константинополе И. В. Зиновиевым мнение о восточном вопросе. „Пока Македония остается турецкой провинцией, мы обязаны, как мне кажется, руководствоваться полным беспристрастием по отношению ко всем обитающим в ней христианским народностям”¹¹. В 1902 г., когда возникает опасность европейского контроля над этой территорией, Зиновиев, исходя из сложной ситуации в Константинополе и Османской империи в целом, утверждает, что европейский контроль несовместим с русскими интересами и теми задачами, в решении которых имперское правительство должно иметь первенствующую роль¹². Он считает, что это очень нужно для России до тех пор пока не наступило время для разрешения этих проблем. Это суждение Зиновиева вполне соответствует желаниям тех русских дипломатов, которые работают в балканском регионе. Находясь под влиянием окружающей их действительности, они не забывают о тех возможностях, что предлагает обстановка для осуществления имперских интересов. Это подтверждается и тем планом, снова предлагаемым Капнистом. В конце 1902 г., когда на повестке дня снова стала Македония, русский дипломат развивает теорию о военном и мирном путях разрешения этого вопроса¹³. Он заново возвращается к основному тезису своего плана с 1897 г., согласно которому при волнении или восстании в Македонии, надо сделать все возможное для отстранения вмешательства остальных великих держав. Для него это означает необходимость о заключении формальной конвенции между обоими

¹⁰ Там же, л. 42.

¹¹ АВПР, Ф. Канцелярия, 1899, оп. 470, д. 26, Вена, 4 сентября 1899, л. 447/об.

¹² АВПР, Ф. Канцелярия, д. 23, 31 июля 1902, л. 156.

¹³ АВПР, Ф. Канцелярия 1902, оп. 470, д. 101, Вена, 7 октября 1902, л. 406–411.

державами, определяющей обхват действий каждой из стран¹⁴. В феврале 1903 г. реформенная программа, известная в истории под именем Венской программы, является подтверждением реальности этого предложения.

Два года спустя, в феврале 1904 г., после восстания в Македонии и Мюрцштегского соглашения, граф В. Н. Ламздорф, министр иностранных дел России пишет пространную инструкцию Капнисту. В ней снова подтверждаются „те самые подробные указания, с которыми с минуты возникновения беспорядком в Мекедонии, снабжались как посольства в Вене и Константинополе, так и Российские агенты в славянских странах”¹⁵. В целом они заключались до сих пор в устранении всех поводов для активного вмешательства России в балканских смутах; в воздействии в Белграде, Софии, Цетине и Константинополе для локализации беспорядка; в соблюдении соглашения с Австрией сохранять статус-кво на Балканах; в выработке, при участии венского кабинета программы реформ, направленных к улучшению быта крестьянского населения трех вилаетов (Коссовском, Манастырском и Битольском – б.а.)¹⁶. Все эти указания со стороны России выполнены, а относительно прилагаемой программы реформ получившей определенное выражение в Мюрцштегском программе, Ламздорф считает, что есть все возможности для ее выполнения. Вместе с тем он предлагает Капнисту, Зиновиеву и бывшему послу в Константинополе Нелидову, высказать свои предложения на основе имеющейся информации в целях разработки проекта указаний русским представителям в балканском регионе.

Каждый из этих дипломатов выполнил свою задачу. Для Нелидова реформенная программа является временной мерой для сохранения существующего политического строя на Балканах¹⁷. Он считает, что существует реальная возможность для проведения мероприятий вне рамок обыкновенных административных мероприятий. Для него не было бы сюрпризом, если в недалеком будущем население Македонии объединилось бы с „сопременным населением, составляющим большинство христиан македонских вилаетов”, т.е. с народом болгарского княжества. То же самое он ожидает и от Сербии, которая будет точно также стремиться к объединению со старо-сербскими славянами. Для разрешения македонского вопроса Нелидов предлагает

¹⁴ Там же, л. 409.

¹⁵ АВПР, Ф. Канцелярия 1904, оп. 470, д. 126. Секретная телеграмма В. Н. Ламздорфа Капнисту, С.-Пб., 18 февраля 1904, л. 465.

¹⁶ Там же, л. 465/об–466.

¹⁷ АВПР, Ф. Канцелярия, д. 23, оп. 25. Доверительное письмо Нелидова В. Н. Ламздорфу, Париж, 8 апреля 1904, л. 21.

автономии Македонии с назначением Россией и Австро-Венгрией христианского генерал-губернатора¹⁸. Мнение Капниста расходится с предложением Нелидова в том, что предлагая автономию, он все же предлагает сохранение номинальной власти султана¹⁹. При этом, он считает, что во главе вилаетов должны стоять представители разных национальностей – болгар, греков и сербов. Нелидов отрицательно относится к этому, считая, что несмотря на возможность позднейшего раздела Македонии между соседними балканскими державами „нельзя предрешить этот раздел в совершенно произвольных размерах, которые неминуемо создадут пререкания и споры”²⁰. Русский дипломат считает, что оптимальным вариантом для разрешения этого спорного вопроса было бы создание автономного македонского княжества, правительство которого вело бы самостоятельную политическую жизнь, исключая всяких чужих попыток захвата. Он рассуждает и о преодолении всех трудностей, связанных с европейской Турцией, считая что они разрешились бы легко посредством „прочного утверждения России на Восфоре с открытием Дарданелл и протекторатом над Константинополем – турецкой столицей или вольным городом”²¹. Он правильно рассуждает, что это особый вопрос и в данном моменте не находится в зависимости от освободительного движения на Балканском полуострове. К сожалению, у меня нет документов, дающих информацию о позиции Зиновиева по этому вопросу.

Короткое изложение проектов русских дипломатов, работающих в балканском регионе в конце XIX и начале XX вв., дает возможность ознакомиться с разными взглядами на актуальные проблемы восточного вопроса. Большинство из этих проектов остаются в сфере теории. Причиной этому является тот факт, что каждый из русских дипломатов, создавая свою теорию разрешения восточного вопроса, исходил из позиции и находился под влиянием того государства, где он был аккредитован, не забывая при этом об интересах Русской империи. К сожалению у меня мало времени, рассмотреть поподробнее влияние этих государств на мнение отдельных дипломатов. Это я надеюсь сделать в ближайшем будущем. Все то, что здесь изложено, еще раз доказывает, что Россия не отказывалась от обеспечения своих интересов на Балканском полуострове и в решении Восточного вопроса в целом.

¹⁸ Там же, л. 24–26/об.

¹⁹ Там же, л. 28/об.

²⁰ Там же, л. 29.

²¹ Там же, л. 30.

Nina Dułgierowa

**BALKAŃSKIE KONCEPCJE POLITYKI ZAGRANICZNEJ ROSJI
W KOŃCU XIX I NA POCZĄTKU XX WIEKU**

Autorka wychodzi z założenia, że polityka rosyjska na Bałkanach na przełomie XIX i XX w. jest stosunkowo dobrze znana przez historyków państw bezpośrednio zainteresowanych tą problematyką i że literatura jej poświęcona oparta jest w zasadzie na tej samej bazie źródłowej, tj. opublikowanych zbiorach dokumentów, bądź na bazie rosyjskich dokumentów znajdujących się w archiwach państw, w których akredytowany był rosyjski dyplomata. Ten ostatni rodzaj źródeł autorka rozszerza, wykorzystując materiały pozostawione przez rosyjskich dyplomatów, takich jak P. Kapnist (Wiedeń), I. Zinowiew, A. Nielidow (Turcja), oraz instrukcje ministra spraw zagranicznych Rosji hr. W. Lamsdorffa (od 1900 r.). Głównym zadaniem tych dyplomatów było prowadzenie rosyjskich interesów politycznych w cieśninach czarnomorskich i na Bałkanach. Na podstawie ich depeesz można przedstawić pewną koncepcję polityki zagranicznej Rosji, którą dyplomaci ci starali się realizować, chociaż zdecydowana większość proponowanych przez nich rozwiązań pozostała tylko wizją teoretyczną. Przyczyną tego faktu – twierdzi autorka – było to, iż każdy z wymienionych polityków wiązał swoją koncepcję ze stanowiskiem mężów stanu państw, w których przyszło im pracować.